

и действия будут иметь демократический характер, то благодаря этим "правильным" законам и действиям постепенно сформируется "правильный" тип гражданина-демократа. Таким образом, значительная роль в изменении общества отводилась новым институтам. Однако сегодня, спустя десять лет после того, как данная стратегия начала использоваться, она уже неприемлема. Российское общество в настоящее время кажется уже более трансформированным, более демократическим в своем роде, нежели те политические структуры и институты, которые им управляют. Проблема демократизации этих институтов по-прежнему сохраняется. Следовательно, при поиске новых, более совершенных форм управления, необходимо внедрять те элементы, которые дадут больше прав и полномочий рядовым гражданам. Чем больше будет влияние таких демократических элементов на развитие политических институтов, тем больше вероятность того, что эти институты станут в конце концов подлинно демократическими.

Перевод Е.Тверитневой

Леонид СЕДОВ

Моральные авторитеты россиян

В опросе, проведенном ВЦИОМ в мае 2001 г. ("Экспресс", N=1600 респондентов в регионах европейской части России), участникам был задан вопрос: *"Можете ли Вы назвать человека, который является для Вас моральным авторитетом, на которого Вы хотели бы походить или по которому Вы сверяли бы свои поступки?"*. Цель опроса — хотя бы приблизительно представить себе тот ассортимент персонализированных культурных символов, которые присутствуют в личностной структуре постсоветских людей и в какой-то мере связаны с их жизненными ориентациями и мотивационными установками. Конечно, полученные ответы нельзя воспринимать буквально, как некие решающие факторы в поведении людей. В конце концов Петр I, занявший первое место в перечне "авторитетов" (2,6% упоминаний), едва ли так уж прямо служит образцом для подражания и ориентиром при совершении тех или иных поступков, объектом личной идентификации для назвавших его людей, репрезентирующих 2,5 млн российских граждан (особенно трудно представить его как объект идентификации для 1%, или 1 млн женщин). Скорее опрашиваемые извлекают из своей памяти какие-то известные им и положительно оцениваемые фигуры, образ которых не столько влияет на их повседневное бытие, сколько отражает степень и характер их вовлеченности в события общественной значимости и их отношение к этим событиям. Характерно, что Петр I чаще упоминается политизированными гражданами, особенно сторонниками В.Жириновского, для которых вообще характерно пользование персонализированными символами.

Обратим внимание на то, что назвать "моральные авторитеты" смогли или захотели лишь 40% опрошенных, а остальные либо затруднились с ответом (46%), либо заявили, что таковых авторитетов для них не существует (15%). Последний ответ чаще можно слышать от людей с низкими уровнями образования и жизни, соответственно как бы выключенных из культурного оборота, не обладающих развитой способностью эмпатии, махнувших рукой на весь мир и озабоченных не столько моральными исканиями, сколько поиском врагов (доля таких людей высока в электорате Г.Зюганова, примечательно, что в его элек-

торате довольно много — 6% при среднем 1% — и тех, кто отвечает "я сам себе авторитет"). Затруднение же с ответом чаще присуще, как раз напротив, людям состоятельным, в зрелом возрасте (от 30 до 50 лет), и связано оно скорее с тем многообразием предоставляемых современной посттоталитарной ситуацией моральных ориентиров, которое не позволяет сделать однозначный выбор именно людям с широким культурным кругозором и самостоятельной жизненной позицией, не предполагающей "сотворения себе кумиров". И далеко не всегда моральные установки принимают персонализированную форму.

А где же ищут для себя образцы и кого выбирают в "моральные авторитеты" остальные 40% россиян, все же прибегающие к такого рода персонализациям? Известно, что в системе ценностей россиян во все времена приоритетное место имели власть и сила. Соответственно более чем треть (из тех, кто назвали своих кумиров) обретает их среди политиков и властителей советской и постсоветской эпох: лидирует В.Путин (2,2%; особенно почитаем в возрастной группе 60-69 лет), за ним следуют И.Сталин (2%; кумир сторонников Г.Зюганова и В.Жириновского) и В.Ленин (1,8%; престарелые избиратели КПРФ); 0,7% набирает Е.Примаков (также в престарелой коммунистической части электората). Но есть в ряду авторитетов-политиков и заметные оппозиционные лидеры — это А.Сахаров (1,1%; авторитет, прежде всего, для москвичей с высшим образованием) со стороны демократической оппозиции и набравший наравне с Е.Примаковым 0,7% упоминаний А.Климентьев (за счет 3% упомянувших его жителей Приволжско-Уральского региона) со стороны криминальной оппозиции.

Довольно большая группа респондентов (6%) назвала своими авторитетами исторические личности более ранних эпох, среди которых выделяются Петр I и Екатерина II (0,7%), т.е. опять-таки фигуры из властной обоймы. Екатерина II упоминается только женщинами, причем имеющими демократические убеждения (голосовавшими за СПС). Мужчины этого же типа упоминают А.Суворова (0,3%). Вообще же ориентация на исторических деятелей отдаленного прошлого свойственна молодым людям до 30 лет с высшим образованием, хорошо обеспеченным москвичам, избирателям правых партий, включая ЛДПР.

Также 6% находят свои образцы для подражания среди актеров, певцов, телеведущих. Здесь преобладает молодежь (до 23 лет), много сторонников "артистичного" В.Жириновского и, конечно же, просто людей аполитичных. Персонально выделяются в ряду авторитетов этой категории А.Пугачева (0,5%), Е.Матвеев (0,5%) и С.Ротару (0,2%).

Представители творческой пишущей интеллигенции (писатели, поэты, публицисты) занимают на пьедестале моральных образцов скромное место (всего 3% упоминаний). Поэт в России сегодня не больше, чем поэт. Их называют главным образом люди из числа избирателей Г.Явлинского, как правило, из наиболее состоятельной части его электората. Наибольшее число поклонников набирают А.Солженицин (0,5%) и В.Высоцкий (0,3%). Первый пользуется предпочтением у людей с высшим образованием. Второму отдадут жезл "морального авторитета" представители поколения 30-летних (дети "шестидесятников").

Что касается литературных персонажей и героев кинофильмов, то они пользуются в качестве моральных образцов несколько большей популярностью, чем их создатели. Их в совокупности упоминают 4% опрошенных. Называют их относительно чаще москвичи с высшим образованием в возрасте 50-59 лет, живущие в многодетных семьях. Среди художественных персонажей выделяются А.Маресьев (0,8%), которого в нашем контексте скорее надо рассматривать как литературно-кинематогра-

фический образ, а не реальное лицо, и Скарлетт О'Хара (0,3%; кумир женщин-сторонниц В.Жириновского).

Наконец, 4% опрошенных черпают свои образцы в среде реально окружающих их людей. Их референтную группу составляют их родственники и знакомые (2%) либо же родители. В последнем случае так чаще всего отвечают молодые люди до 24 лет из больших семей (свыше пяти человек) с приличным достатком, преимущественно жители более патриархального юга России. Знакомых и родственников наиболее часто упоминают лица с высшим образованием в возрасте 40-49 лет.

В.Жириновский служит моральным примером для 20% своих приверженцев, в то время как Г.Явлинский — для 9% своих сторонников, В.Путин — для 6, Г.Зюганов — для 4, Б.Немцов и И.Хакамада — для 3% сторонников СПС. Москвичи упоминают Петра I сравнительно чаще, чем жители остальной России.

И уже совсем небольшое число россиян (0,5%) осмеливаются объявить своим моральным компасом Господа Бога (Иисуса Христа). В большинстве своем это одинокие, бедно живущие супружеские пары демократической ориентации.

Этот небольшой обзор никоим образом не претендует на то, чтобы быть основой для каких-то серьезных и окончательных выводов относительно морального состояния российского общества и отдельных его слоев и групп. Тем более, что некоторые наблюдения сделаны на основании довольно малочисленных подразделений общей выборки. Однако нам представляется, что полученные данные могут служить стимулом и отправной точкой для дальнейших более тщательных изысканий в этой важнейшей области.

Оксана БОЧАРОВА

Модернизация школьного образования — планы, ожидания и страхи

Школа, как и многие другие базовые институты российского общества, в последние десять лет XX в. столкнулась с новыми требованиями, исходящими от основных взаимодействующих со школой групп: учеников и их родителей, а также общественных институтов — властей, СМИ, научных учреждений. Новые ожидания и новые требования к школе касаются различных аспектов школьного образования: нагрузки и программы, равенства возможностей и контроля за качеством школьного обучения, общего социального "вектора" среднего образования.

В 2001 г. в некоторых российских регионах запланированы первые мероприятия широкомасштабной реформы школы — переход на 12-летнее обучение, эксперимент по единому экзамену (единое письменное тестирование взамен выпускных и вступительных экзаменов, проводящееся комиссией, независимой ни от школы, ни от вуза), новые схемы финансирования, модернизация сельских школ. Смысл и направление готовящихся изменений — сделать школьное образование более современным, адаптировать его к новым условиям "взрослого" мира и требованиям самих учеников. Финансовые и административные аспекты реформы меняют представление о школе как о консервативном государственном институте, контролируемом многочисленными и не всегда эффективными инстанциями. Школу намереваются сделать и более самостоятельной в распоряжении своими ресурсами.

Уже сейчас, на начальном этапе, планирующиеся изменения по-разному понимаются основными "субъектами" реформы — школьниками, родителями, учителями, администраторами образования. Задача данной статьи —

описать и проанализировать характер ожиданий в отношении предстоящей реформы школы. Она основана на данных интервью с экспертами, фокус-групп и опроса родителей и школьников, полученных в рамках исследования по реформе среднего образования, проводившихся в 2000–2001 гг. в ряде российских регионов. Кроме того, используются также результаты опросов ВЦИОМ ("Экспресс", июнь и август 2000 г., май 2001 г.; общероссийская репрезентативная выборка, число опрошенных — 1600 человек).

Мобильность и готовность к реформам. Сторонники реформы среднего образования полагают, что одна из ключевых проблем российской школы сегодня — фактическое неравенство доступа к образованию. По их мнению, сформировался значительный разрыв в уровне подготовки школьников крупных городов, где им предоставлен в этом плане широкий спектр возможностей, и школьников в небольших городах, в сельской местности, где и содержание, и "форма" (так называемая материально-техническая база) безнадежно устарели, не соответствуют образовательным потребностям учеников. Получив формально одинаковое среднее образование, выпускники школ в большом городе и в селе в реальности оказываются в неравном положении при вхождении во взрослую жизнь. Городские подростки оказываются более адаптированными к новым условиям, лучше подготовлены к поступлению в вуз, к поиску работы. Следовательно, неравенство возрастает, происходит воспроизводство статусных позиций. Вертикальная же мобильность затруднена для выпускников из села и малых городов.

По мнению сторонников реформ, следует стремиться к "уравниванию" условий получения образования для всех, к созданию более "прозрачной", открытой другим общественным институтам, модернизированной школьной системы. Программа школьной реформы сталкивается с сопротивлением и противодействием со стороны различных групп и институтов. Можно говорить об административных (действующих внутри самой системы управления образованием и во властных структурах), идеологических и стереотипических причинах, экономических факторах, затрудняющих реализацию школьной реформы. Нас особенно интересовали мнения и настроения главных "действующих лиц", школьников и их родителей, в какой степени они соответствуют тем образовательным ожиданиям и потребностям, которые им приписывают различные общественные группы, выступающие от их лица "за" или "против" изменений в школе. Необходимо было прежде всего изучить, насколько распространены в малом городе и в селе установки на мобильность, на повышение статуса и какую "цену" за это согласны заплатить дети и родители.

Результаты свидетельствуют, что и дети, и родители нацелены на получение высшего образования, так как именно оно, по мнению большинства, дает наилучшие возможности для собственной реализации (так считают 66%* детей и 75% родителей, сюда входит также и второе образование). По данным опроса, представления родителей об оптимальном образовании превышают их ожидания относительно будущего собственных детей — 63% опрошенных считают, что у их детей к 30 годам будет высшее образование.

* Здесь и далее приводятся данные опроса детей и родителей, проживающих в регионах, где будут проводиться мероприятия реформы — в Чувашии, Ярославской и Самарской областях. Опрос проводился в мае 2000 г. Число опрошенных — 900 человек.